

Он ударил локтем, и Лу Чжунь едва не выплюнул кровь:

— Второй брат, мы стали чужими...

Дяо Юйлян подошел ближе, приложив руку к лицу Жун Лоюня:

— Второй брат, тайник уже сгнил, понюхай, пахнет ли моя рука?

Жун Лоюнь, раздраженный до предела, накрылся одеялом, не обращая на них внимания, и третий с четвертым братьями вынуждены были прижаться друг к другу, чтобы согреться. Спустя долгое время, когда ночь стала глубокой, в комнате воцарилась полная тишина, а за ее пределами уже не было слышно голосов.

Когда он уже почти заснул, его слух уловил шаги поднимающегося на гору человека — это вернулся Хо Линьфэн.

Он приблизился, вошел в Чаньский двор, остановился у двери на мгновение, а затем ушел, так и не вернувшись.

Жун Лоюнь откинул одеяло, осторожно встал с кровати и, взяв в руки чашу с красной свечой, вышел за дверь. Ученики, прислонившись к стене, крепко спали. Оглядев их, он вышел из Чаньского двора и в темноте увидел Хо Линьфэна, сидящего на каменных ступенях.

— Ду Чжун, — позвал он.

Хо Линьфэн обернулся, но не встал:

— Гунчжу, все сделано.

Он подумал, что Жун Лоюнь ждет отчета, и добавил:

— Уже поздно, идите спать.

Но Жун Лоюнь подошел к нему, спустился на ступень ниже и сел рядом.

Вокруг царил тьма, и только эта свеча давала свет, но его хватало, чтобы разглядеть лица друг друга. Внезапно подул ветер, и Хо Линьфэн, повернувшись, поднял руку, одной ладонью прикрывая пламя, а другой обняв спину собеседника. Их плечи соприкоснулись, и, опустив и подняв взгляд, они невольно встретились глазами.

За эти дни Жун Лоюнь привык к такой заботе, не отстраняясь и не двигаясь, позволяя ему защищать себя от ветра. Он вдруг спросил:

— Почему ты сегодня у озера смотрел на меня с холодом из-за платка?

Хо Линьфэн не хотел говорить об этом:

— Это я был дерзок.

Жун Лоюнь предположил:

— Ты думал, что он от какой-то красавицы, и разочаровался?

Тот покачал головой. Он снова спросил:

— Он тебе так понравился, что ты не хотел возвращать?

Хо Линьфэн снова покачал головой. Жун Лоюнь разозлился, взял его за подбородок и повернул к себе:

— Ты что, немой?

Хо Линьфэн спросил:

— Гунчжу, как вы получили этот платок?

Жун Лоюнь ответил:

— Его вышила моя сестра, подарила на день рождения.

Хо Линьфэн замер...

После паузы он снова открыл рот, но ничего не сказал. Он никак не ожидал такого ответа. Жун Дуаньюй вышила его, это точно, в Безымянной обители растет дерево гинкго, так что видно, что Жун Лоюнь любит его. Подарок на день рождения, теперь понятно, почему он так дорожит этим платком.

На его лице появилось редкое выражение глуповатой растерянности, смешанной с радостью и непонятными эмоциями.

Но самое неожиданное было в том, что Жун Лоюнь достал платок:

— Он, похоже, связан с тобой. Я хотел подарить его тебе в знак благодарности за спасение.

Услышав это, Хо Линьфэн вырвал его, крепко сжал и даже обнял Жун Лоюня. Тот разжал руку, и чаша со свечой покатила по ступеням, звуча, как звон колокольчиков.

— Гунчжу, вы только что угадали.

— Что?

В звуке колокольчиков Хо Линьфэн прошептал:

— Он мне очень нравится.

...И я тоже очень рад, — но вторую часть фразы он сдержал.

Свеча, покотившись несколько раз, погасла, а чаша разбилась на одной из ступеней.

В полной темноте Хо Линьфэн отпустил Жун Лоюня, и после объятий возникла легкая неловкость. Когда он падал в воду, они обнимались, несколько дней назад, когда он был ранен, они тоже обнимались, а утром на кровати обнимались еще теснее, но все это было не так, как сейчас.

Те объятия были заботой, поддержкой, согреванием, а сейчас все иначе.

Чем именно они отличаются, Хо Линьфэн редко обнимал мужчин, поэтому не знал, Жун Лоюнь редко был обнимаем мужчинами, поэтому тоже не знал. Хотя никто не знал, но оба чувствовали напряжение и смущение.

Хо Линьфэн легонько кашлянул, чтобы скрыть неловкость:

— Гунчжу, тогда я оставлю его себе?

Жун Лоюнь даже не попытался сделать вид:

— Да, оставь.

Разговор закончился, и снова наступила тишина, словно в кромешной тьме и при сильном ветре больше не о чем было говорить. Снова подул горный ветер, и хвост волос Жун Лоюня слегка ударил Хо Линьфэна по лицу. Хо Линьфэн, потирая щеку, начал говорить просто так:

— На самом деле, быть монахом не так уж плохо, брить голову удобно.

Жун Лоюнь старался поддержать разговор:

— Да, я заметил, что маленький монах, который приносит еду, всегда улыбается.

Хо Линьфэн сказал:

— Этот маленький монах с детства в монастыре, его ранг довольно высок.

Он говорил с выражением, словно боясь, что собеседнику будет неинтересно:

— Вчера, когда мы связывали Цзя Яньси, я видел, как он командовал другими, довольно уверенно.

Жун Лоюнь очень поддержал:

— Правда? Не скажешь, что этот маленький лысый такой крутой.

Они обменивались словами, пользуясь тем, что в темноте ничего не видно, и изо всех сил старались казаться неестественными. После того как они обсудили монахов, они снова оказались на пороге молчания, и Жун Лоюнь изо всех сил придумал новую фразу:

— Твой заяц, приготовленный на огне, был очень вкусным.

Во время походов и стоянок не обойтись без приготовления дичи на огне, и Хо Линьфэн был мастером в этом. Говоря о еде, с тех пор как он приехал в Цзяннань, он попробовал множество закусок, но больше всего ему запомнились груши, приготовленные на пару в доме маркиза Динбэя, нежные ломтики груши, приготовленные в сахарном сиропе с цветами османтуса, которые были восхитительны как в горячем, так и в холодном виде.

Жун Лоюнь слушал внимательно и не удержался от вопроса:

— А что еще интересного есть на твоей родине, на острове Чжоша?

Хо Линьфэн вспомнил о городах Сайбэя, тавернах, лавках, старушке, которая всегда давала ему горячие лепешки. Перебирая воспоминания, он дошел до дома маркиза Динбэя, бесчисленных залов, болтливых служанок... Он давно не думал о доме, но Жун Лоюнь заставил его вспомнить.

Он сказал:

— У нас дома растет магнолия, с белыми цветами, которые пахнут очень приятно.

Жун Лоюнь сказал:

— Если тебе нравится, ты можешь посадить одну в Бамбуковом саду.

Хо Линьфэн уже думал об этом, но отказался от идеи, ведь рано или поздно ему придется вернуться к своей роли генерала. Он не хотел думать так далеко, сейчас он еще не ушел, он был Ду Чжун, учеником, который одевался, мыл волосы, вытирал рот, лечил раны и не спал до глубокой ночи, болтая с гунчжу.

Он аккуратно спрятал платок и, на всякий случай, спросил:

— Гунчжу, раз уж вы подарили его, вы не заберете его обратно?

Жун Лоюнь ответил:

— Конечно, раз подарил, значит, он твой.

Холодные каменные ступени нагрелись от их сидения, ночь была уже глубокой, и они вернулись в Чаньский двор, чтобы отдохнуть. В комнате Дуань Хуайкэ спал, склонившись над столом, Лу Чжунь и Дяо Юйлян храпели на кровати, а за стенами двора прислонились ученики.

Подойдя к двери, Жун Лоюнь спросил:

— Где ты будешь спать?

Хо Линьфэн ответил:

— На дереве, заночую там, завтра все равно уезжаем.

Жун Лоюнь пробормотал:

— Пробыл в Чаньском дворе несколько дней, а так и не поклонился Будде.

Оба замолчали, их взгляды встретились, в них читались стыд и лукавство. Перед приездом они устроили кровавую резню, по пути увидели кровь, а после ели мясо, нарушив заповеди. Они полностью прогневили Будду.

Хо Линьфэн спросил:

— Может, сейчас, пока никого нет, пойдём поклонимся?

Жун Лоюнь промычал:

— Хорошо.

Один не пошел на кровать, другой не полез на дерево, они спустились с горы в кромешной тьме, чтобы покаяться перед Буддой. Спускаясь по ступеням в темноте, они несколько раз оступались и скользили, пока Невидимый Божественный Дракон не взял за руку Скитальца по Восьми Сторонам, и они наконец спустились с горы.

Ворота храма были закрыты, монахи уже спали.

Подойдя к стене храма, Жун Лоюнь, еще не оправившийся от внутренних травм, не мог

использовать цигун, поэтому он подошел ближе, обняв талию Хо Линьфэна. Тот слегка пошатнулся, взял руку Жун Лоюня и переместил ее, чтобы тот обнял его.

Он тоже обнял его и прыгнул через стену.

Это был небольшой горный храм, пожертвований было мало, и ночью даже не зажигали свет. Они тихо вошли в зал, где стоял сильный запах благовоний, лунный свет слабо освещал помещение, и можно было разглядеть контуры статуи Будды.

Они встали на колени рядом на подушках, сложив руки, не смея просить защиты, пока не искупят свои грехи. Хо Линьфэн раньше говорил глупости перед алтарем, но сейчас ему было трудно начать, поэтому он предложил Жун Лоюню говорить первым.

Жун Лоюнь начал:

— В этом путешествии я совершил много убийств, на мне лежит тяжелый грех, прошу Будду о прощении.

Хо Линьфэн добавил:

— Те, кого я убил, были злодеями, прошу Будду рассудить.

Жун Лоюнь продолжил:

— Я осквернил Будду кровью, прошу прощения.

Хо Линьфэн снова добавил:

— Надеюсь, что в будущем меня защитят воины, прошу Будду о защите.

Жун Лоюнь снова сказал:

— Из-за своей жадности я нарушил запрет на мясо, прошу Будду наказать меня.

Хо Линьфэн снова добавил:

— Вино и мясо прошли через мое тело, но Будда остался в моем сердце, прошу Будду понять.

После того как они перечислили три своих греха, Жун Лоюнь толкнул Хо Линьфэна, как он мог так оправдываться, он что, хочет разозлить Будду? Генерал Хо был настоящим бунтарем, пробормотав:

— Если бы Будда действительно существовал, то столько людей не умерло бы от бедствий...

Не успел он закончить, как Жун Лоюнь зажал ему рот и ударил его в спину.

Хо Линьфэн кашлянул:

— Гунчжу... полегче.

Жун Лоюнь насмешливо сказал:

— Ты слишком привык к нежным ударам девушек, что не можешь выдержать моих?

Генерал Хо наконец-то обзавелся собственным платком, а первое, что сделал Жун Лоюнь по

возвращении на Сицяньлин: «Сестра, вышей мне еще один!»

<http://bllate.org/book/16167/1449253>